

Самый страшный суд

Рассказ

«Водители, уступайте дорогу пешеходам на нерегулируемых переходах!» – этот непривычный призыв из колонок автомобильного радио вызвал короткую улыбку у Аллы Сергеевны. Кто сегодня уступает дорогу пешеходам? Даже красный свет – с незапамятных времен считавшийся табу – не всех останавливает. Нет, она, конечно, на красный свет не ездит. Даже когда спешит, как сейчас. А времени у нее было немного: ей надо срочно в магазин за подгузниками и еще несколькими мелочами, без которых немислима жизнь маленького существа, тихонечко посапывающего в настоящий момент в своей деревянной кровати. И надо успеть вернуться домой до того, как он проснется и заплачет, прося есть. Счастливая улыбка осветила ее лицо: она – мама.

Как приятно ехать днем по широкому проспекту! Утренний час пик позади, заторов нет, можно ехать с максимально разрешенной скоростью. Только на перекрестках приходится останавливаться и ждать зеленого. Но так всегда в этой жизни: временами надо остановиться, подумать, принять, возможно, новое решение и поэтому изменить направление своего движения. Алла Сергеевна опять улыбнулась, на этот раз этим своим "мудрым" мыслям. Желание философствовать появилось у нее в самом начале беременности и не оставляло до сих пор: ее грудной – такой милый! – сын служил подпиткой для все новых мыслей. Вся жизнь ее теперь крутилась вокруг него: кормит ли сына – желает, чтобы он не болел; ужинает ли с пришедшим с работы мужем – представляет себе, каким тот станет отцом, когда ребенку исполнится два-три года и у него появится потребность в мужском воспитании; смотрит ли новости – думает, какая жизнь будет в стране и мире, когда сын подрастет, и какое место сможет он себе в жизни найти. И к себе она стала относиться более бережливо: страшно представить, что будет с ее ребенком, если с ней что-нибудь случится! Поэтому и за рулем Алла Сергеевна вела себя обдуманно и ездилла всегда очень осторожно.

Вон там вдали уже нужный перекресток, а слева от него и магазин. Как бы ее сынишка не проснулся раньше времени: испугается один, без мамы, закричит! И никого рядом не будет, чтобы успокоить! Надо быстрее! Алла Сергеевна не хотела останавливаться на этом пешеходом переходе, но ее ноги сами уже выжали педали сцепления и тормоза, а правая рука переключила передачу на нейтралку: спереди справа, в ожидании возможности пересечь проезжую часть, стояла молодая женщина с большим животом. Ну как тут не остановиться! И Алла Сергеевна, сидя за

рулем перед переходом, с доброй улыбкой, с которой более опытные глядят на тех, кому все сложности еще предстоят, смотрела на выпирающий живот молодой женщины, неспеша идущей по переходу.

Вдруг появилась какая-то непонятная тревога; она росла с каждым мгновением; в зеркале заднего вида ей почудилось движение; Алла Сергеевна подняла взгляд на зеркало – и правда: сзади на большой скорости летел автомобиль. Она снова сфокусировала взгляд на молодой женщине на переходе – та находилась уже почти у левой фары ее машины – и снова глянула в зеркало. Она не успела ахнуть – казалось, что тот летящий автомобиль врежется в ее машину! – как вдруг зеркало очистилось, а где-то слева взвизгнули тормоза.

– Вызывается свидетель Владимир Михайлович... – Александр, в начале прислушавшись, опять потерял интерес к ходу суда. «Зачем мне свидетели, – подумал он. – Я уже все знаю». Его внимание было сосредоточено внутри; то, что происходило снаружи, значения для него не имело. Он хотел услышать показания только двоих людей, даже, скорее, одного. Как он мог?!

«Саша, – спросила она его однажды за ужином, – как ты смотришь на второго ребенка?»

Александр смутился: вопрос прозвучал неожиданно. «А твоя работа?» – спросил он.

«Ну что работа? – пожала плечами Галина. – Работа всегда будет, а Вероника растет без брата, без сестры. Да и я не молодею».

Александр хотел сделать жене заслуженный комплимент, но промолчал: он понимал ее правоту. Но с другой стороны... Они недавно сняли хорошую квартиру в этом районе, денег на нее хватало, на еду тоже, как и на многочисленные траты для Вероники, десятилетней дочери. Если Галя вскоре оставит свою работу, то доход будет меньше. Он, конечно, зарабатывает неплохо... Ну, не поедут, значит, в отпуск, или выберут себе что-нибудь поскромнее.

Александр заметил, что Галина все это время не спускала с него глаз, мудро давая ему время на обдумывание, и поднял на нее взгляд. Как она красива! Ему так нравилось это ее доброе насмешливое выражение лица! Ни капли осуждения в глазах – хотя она, конечно же, догадывалась о направлении его мыслей, – только полуусмешка. Нет, не только – еще и любовь. Он снова, как бы для проверки последнего, посмотрел на Галю. Да, именно так. Они были счастливы друг с другом все время их знакомства: и во время учебы в институте, и после свадьбы, и, что случается отнюдь не во всех семьях, после рождения дочери.

«Галя, если ты считаешь, что больше ждать не нужно... – несколько нерешительно подвел итог своим рассуждением Александр. – Мы с тобой, правда, были единственными детьми в семье и – ничего, выросли. Но раз ты говоришь, что время...»

– Вызывается свидетельница Наталья Викторовна... – все не то, Александр ее уже слышал.

«Я думаю, что мы с тобой можем позволить себе второго ребенка. А Вероника – ты же видишь, с каким интересом она смотрит на младших ее детей во дворе. Я думаю, она прекрасно поладит с братиком или сестричкой».

«Да нет, я не спорю. Я только думал, может быть позже...»

«А какой смысл?» – в прямом взгляде Гали не было вопроса. Александр знал, что если его жена говорила о смысле, то можно было больше не спорить: логика у нее всегда была железной. Как, наверное, и пристало выпускнице металлургического института.

Вечер прошел как обычно: телевизор, укладывание Вероники спать, что занимало обычно какое-то время, душ; и Александр не то чтобы забыл о разговоре – нет, он постоянно о нем думал, – но как-то не связывал его именно с сегодняшним вечером. И потому был несколько удивлен, когда...

«Ты не сильно сегодня устал?» – спросила Галя, когда они улеглись.

«Нет», – улыбнулся он и, зная смысл этого вопроса, повернулся к своей тумбочке и выдвинул верхний ящик.

Когда он поворотился назад, к жене, на него смотрело лицо уверенной в себе женщины. Как он любил эту ее улыбку! Большие глаза, прямой смелый взгляд, края губ подняты так, что на щеках образовывались ямочки.

«Разве мы не решили? – ее глаза ожидали ответа, и, когда Александр кивнул, она вытянула из его пальцев блестящий квадратик. – Это нам уже долго не понадобится», – проговорила она и, отбросив его куда-то назад, потянула мужа к себе.

– Вызывается свидетель Леонид Иванович...

«Если бы не декрет, Галя была бы на работе, – отрешенно думал Александр. – И тогда бы она не переходила в тот момент дорогу...» Он понимал, что все это глупый фатализм, но ничего не мог с собой поделать. Ему хотелось упасть на колени, поднять глаза к потолку и кричать: «За что?!» Но он продолжал спокойно, даже чересчур спокойно сидеть. Здесь, в суде, его не поняли бы. А может быть, и поняли бы: в суде какие только дела не разбирали, и ко всяким проявлениям эмоций наверняка уже привыкли. Впрочем, он это уже делал, тогда, дома, в разом опустевшей для

него квартире, в то время как Вероника была в школе. Ответа на этот свой вопрос он не получил.

– Вызывается свидетельница Алла Сергеевна Вешнякова.

Это имя сразу же вырвало Александр из своих мыслей, и он настроился слушать: показания этой свидетельницы он все-таки желал услышать еще раз. Он видел, как Алла Сергеевна, впущенная в зал из коридора, нерешительно проходила наперед зала. Он смотрел ей в спину немигающим взором. Взгляд его был направлен немного исподлобья: тяжесть случившегося давила на него, и он почти физически не мог нормально поднять голову и расправить плечи.

Свидетельница рассказала по порядку, как она ехала, как, увидев ожидавшую у перехода женщину – «беременную женщину», добавила она специально, – остановилась у зебры, уступая дорогу, как вдруг сзади ее машины показалась другая машина, несшаяся на большой скорости, как...

– Нечего останавливаться было прямо на дороге! – угрожающе вскричал, вскакивая со своего места подсудимый. Адвокат тянул его за рукав, глядя на него снизу вверх умоляющими глазами: адвокат хотел выиграть это непростое дело, а неразумное поведение его подзащитного все больше это затрудняло.

Александр смотрел на обвиняемого убийственным взглядом. Если бы он только мог! Если бы был закон, позволяющий потерпевшей стороне учинять расправу над преступником своими силами! Он бы этого подонка!.. Ни рассказания у того, ни жалости, что лишил жизни челове... нет, двух человек!

Вспомнился Булгаков: «Мы их душили-душили, душили-душили...» Захотелось стать зверем – хоть собакой, хоть волком, – вцепиться в его горло и, медленно сдавливая челюсти, душить, душить. Чтобы выдавливать из него жизнь мучительно долго, по капле. Александр медленно покачал головой: Галю это не вернет. Нет, пусть отсидит свое, от звонка до звонка, может быть, за это время что-то стукнет в его сердце, может... С трудом верится... Александр перевел свой взгляд на свидетельницу, отвечающую на вопросы судьи. Он слышал выкрик подсудимого, но глядя ей в спину, он даже и не обвинял ее: он о ней вообще не думал. Все его мысли были вокруг подходящей кары для того, кто совершил наезд. Да, он сделает все, что в его силах, чтобы того посадили...

Алла Сергеевна все время допроса ощущала себя очень неудобно, как будто бы сзади ее что-то жгло. Она даже поводила временами плечами, как будто бы хотела сбросить с них что-то неудобное. После того выкрика подсудимого она укрепилась во мнении, что в смерти двух людей виновата

она одна. Она даже хотела сказать судье: «Это моя вина! Судите меня так же, как и того, кто сбил!» В голове ее стояли, кричали, раздирали ее душу те злые слова: «Нечего останавливаться было!» Если бы ее сейчас спросили, виновата ли она, она бы сразу ответила: «Да!» Вот только о таком свидетелей не спрашивают.

Ответив на все поставленные вопросы, она поднялась и повернулась к залу, чтобы идти на свободное место. Сделав два или три шага по проходу, она наткнулась на тяжелый взгляд из зала: на нее смотрел муж погибшей. Взгляд давил на нее, отталкивал, не давал сделать следующий шаг – она застыла в проходе и не могла отвести свои глаза от этого взора, горящего каким-то черным и холодным огнем.

– Свидетельница Вешнякова, займите место в зале!

Она этого не слышала: в голове звучало только «Нечего останавливаться было!», и в глазах потерпевшего она видела, как ей казалось, тяжелое, мрачное осуждение.